УДК 784.4

Г.П. Парадовская

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕКСТ «ЧАРОЧКИ» КАК МИКРООБРЯД

Статья выполнена в рамках гранта «Федеральная целевая программа "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 – 2013 годы», лот № 2012-1.2.2-12-000-3004-4292

В статье рассматривается песенный сюжет «Чарочка», распространенный в народных традициях восточных районов Вологодской области. Анализируется образно-поэтическое содержание фольклорного текста, система взаимосвязей художественной формы и ритуального контекста, образующих единую и законченную в смысловом отношении структуру.

Обряд, жанр, песня, художественный образ, функция.

The article considers the song plot «Charochka», popular in the folk traditions of the Eastern districts of Vologda region. The paper analyses the figurative and poetic content of folklore texts, the system of interrelations of an artistic form and a ritual context, forming the single and complete in the semantic relation structure.

Ceremony, genre, song, artistic image, function.

Как свидетельствуют материалы фольклорных экспедиций в восточных районах Вологодской области, угощение пивом является главным событием праздничного застолья, совершаемого в братчине, больших праздниках календарного круга и свадебном обряде. Подношение участникам пира ритуального напитка обязательно сопровождается исполнением специальной припевки – «Чарочки». Содержательная, функциональная и структурная соподчиненность всех компонентов обряда праздничного застолья позволяют представить и детально рассмотреть данный фольклорный текст как *микрообряд.*

Необходимо отметить, что данный термин используется и раскрывается в работе Виноградовой Л.Н. и Толстой С.М. «Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд» [1, с. 166].

Припевка «Чарочка», исполняемая в праздничном застолье, имеет непосредственную функциональную связь с происходящим действием и согласуется с ним на следующих уровнях:

– прямое отношение к конкретной обрядовой ситуации – поднесение ритуального напитка во время праздничного пира;

– обрядово-организующая направленность: «Так-то иногда не пьют, а вот “Чарочку” споют – надо выпивать. И поют, все поют – не один, кто подаёт, все припевают. (А если не пили?) А уж чарочку надо выпивать всё равно до дна, всё равно надо. Да, раз спели «Чарочку», как же не выпьешь? Надо выпивать» (В.-Уст., 1756-17[1]);

– императивно-продуцирующий характер средств художественной выразительности фольклорного текста.

Приуроченность припевки определена системой взаимосвязей художественной формы и ритуального контекста, образующих единую и законченную в смысловом отношении структуру:

– *вербальный ряд* (наличие ключевого образа – «чарочки», величание участников застолья);

– *акциональный ряд* (пение сопровождает вынос ритуального напитка, обнесение им всех участников застолья, пляску);

– *предметный ряд* (связь на образно-поэтическом уровне с пивной чашей как центральным элементом ритуала);

– *пространственный* и *временной ряды* (строгая регламентация места и времени исполнения припевки: «застолье» – открытие пира, «перед столами» – круговое движение певиц в пляске).

Специального внимания заслуживает образно-поэтическое содержание текста припевки «Чарочка» и его отношение к происходящему действию.

Характерна композиция песенного сюжета, в которой наблюдается устойчивая последовательность формульных мотивов. Основные композиционные зоны сюжета: зачинное построение, заклинание-диалог, благопожелания, заключение.

В качестве наиболее устойчивой схемы зачина выступает следующая формула:

Чарочка пивця –	*серебряная!*	*На золоте блюдышке*	*поднесённая*
маркирование обрядового атрибута	характеристика его свойств и качеств	пространственная ориентировка	функциональная характеристика

[1] Здесь и далее приводятся номера по экспедиционному фонду Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета. В статье используется следующее сокращение: К.-Гор. – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области.

Центральный эпизод сюжета представляет собой диалог, имеющий ярко выраженную коммуникативную и заклинательную направленность. Вслед за риторическим вопросом «Кому чару пить?» следует называние имени одного из гостей – «Чарочка» «припевается», непосредственно адресуется одному из участников застолья:

Кому чару пить,
Кому выпивать?
Эшшо пить-то чара,
Да выпивать-то чара
У нас Нинушке
Да Арсентьевне
(К.-Гор., 1394-02).

Приведем один из вариантов развертывания данного мотива, усиленный двойным вопросом с отрицанием:

Кому эта чарочка
Пить-выпивать?
Пить ли её
Иль не пить ли её?
(К.-Гор., 1394-04).

Устойчивое продолжение развития сюжета включает формулу-благопожелание (мотив «пожелания здоровья, веселья»):

На здоровье, на здоровье,
На здоровьицё её,
На весельё голове
(вар-т: «На похмелье голове»)
(К.-Гор., 1376-06).

Традиционная формула, завершающая текст, связана с эмоциональными возгласами «Ура!», «Поехало, пошло!» и некоторыми другими, приближающимися по своему функциональному значению к приговорам:

Скажёмте, робятушка,
Ура, ура, ура!
Ой, скажёмте молоденьки,
Поехало, пошло!
(К.-Гор., 1389-41).

Образно-поэтическое содержание текста в целом имеет коммуникативную направленность, связано с брачной темой (мотив «припевания пары»), а также определяется воплощением идеи жизненного благополучия:

На здоровьё, на здоровьё,
На здоровьицё её,
На веселье голове.
Где-ка пить-пировать,
Да и тут нацевать,
Да Ивана цёловать,
Цёловать-миловать,
Ко сердечку прижимать,
Милой ладой называть
(К.-Гор., 1459-78).

Подчеркнуто сакрализован в поэтическом тексте припевки «Чарочка» мотив распределения доли:

Пей-ко, попей-ко –
На дне-то копейка.
Ешшо попьёшь –
Золотую найдёшь.
(К.-Гор., 1325-12).

Таким образом, по своему содержанию и назначению обрядовая припевка «Чарочка», обогащает смысловой план праздничного пира как обрядового действа. С одной стороны, фольклорный текст маркирует процессуальную сторону ритуала (подношение напитка), выделяет персональный ряд как элемент обрядовой структуры, с другой – имеет магическую функцию: ее исполнение направлено на обеспечение здоровья и жизненного благополучия, укрепление семейных отношений участников братчины.
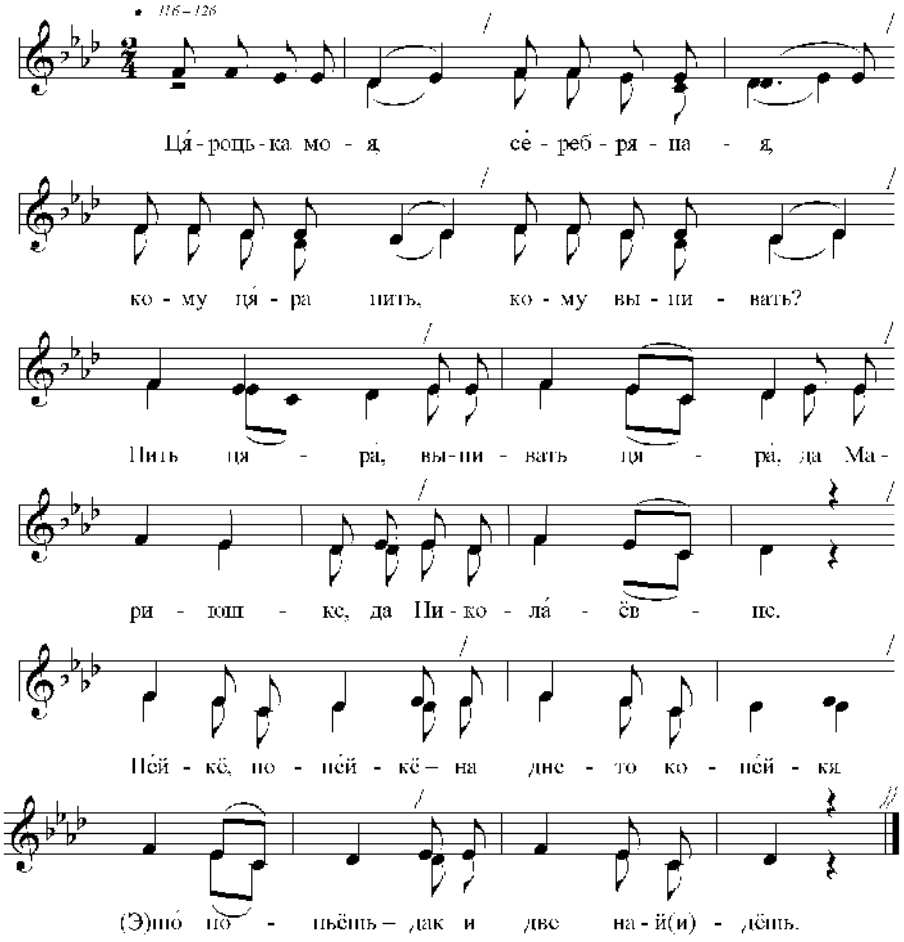
Литература

Виноградова, Л.Н. Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд / Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая // Малые формы фольклора: Сб. ст. памяти Г.Л. Пермякова; Сост. Т.Н. Свешникова. – М., 1995.

ПРИЛОЖЕНИЕ

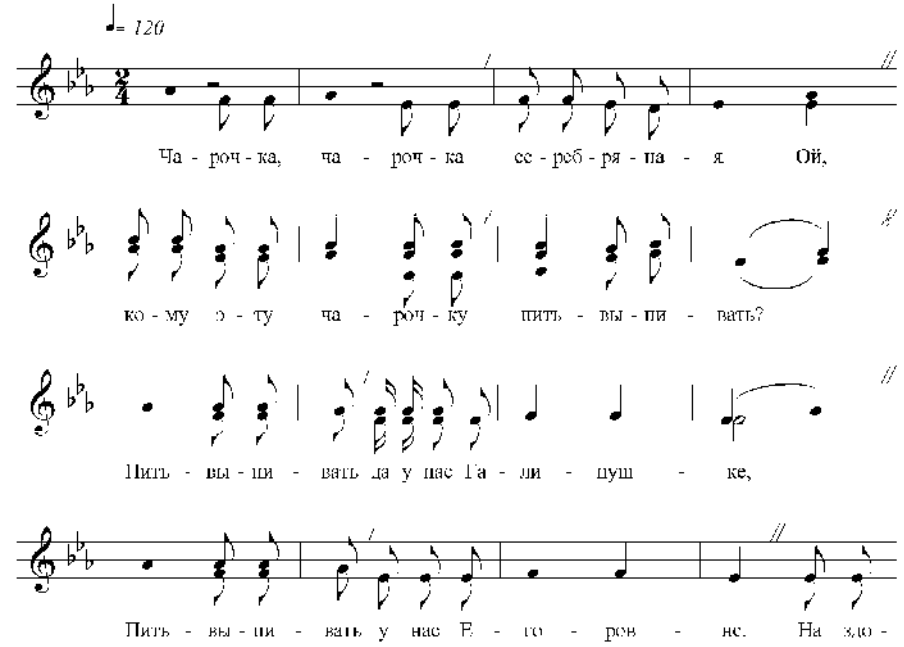
№ 1. Припевка на подачу пива

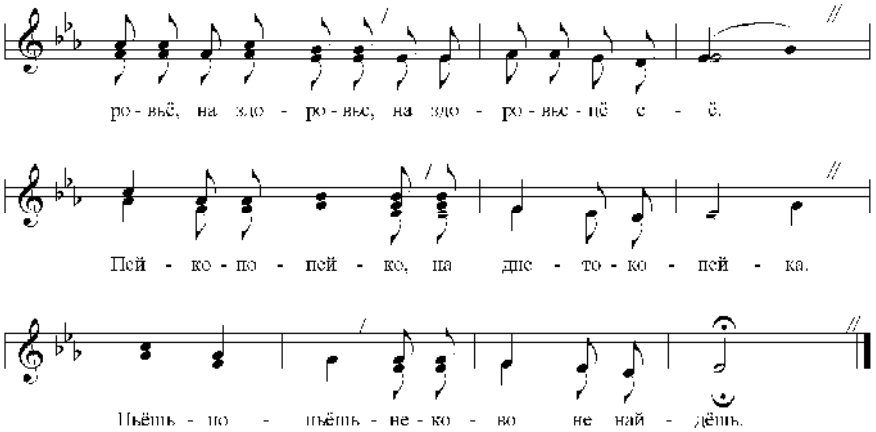
Кичм.-Городецкий р-н, д. Шилово, ЭВФ 072-45

№ 2. Припевка на подачу пива
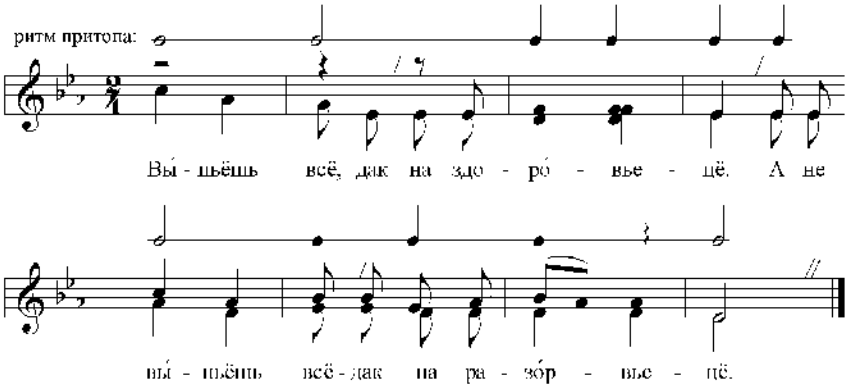
Великоустюгский р-н, д. Чернево, ЭАФ 1771-41

На окончание:

Великоустюгский р-н, д. Чернево, 1771-39

УДК 784.4

Г.П. Парадовская

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ПРАЗДНИЧНОГО ЗАСТОЛЬЯ В БРАТЧИНЕ

Статья выполнена в рамках гранта «Федеральная целевая программа "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 – 2013 годы», лот № 2012-1.2.2-12-000-3004-4292

В статье анализируются структура и семантика праздничного застолья в братчине, рассматриваются обрядовые функции совместной трапезы, роль и место фольклорных текстов.

Обряд, праздничное застолье, семантика, фольклорный текст.

The article analyzes the structure and semantics of the holiday feast in bratchina and considers ceremonial functions of eating together, the role and place of folklore texts.

Ceremony, holiday feast, semantics, folklore text.

Традиционный народный праздник является важнейшим общинным действом, направленным на обновление мира и преобразование старого в новое – «природы» в «культуру», ключевую роль в этом играет **обрядовая трапеза**. По мнению исследователей, она может рассматриваться в качестве одной из основных форм **жертвоприношения**, при этом участники застолья служат посредниками в передаче жертвенной пищи божественному адресату, в частности, на это указывает внутренняя форма слова «жертва», производная от слова «жьръти» [2, с. 208]. Отмечается также, что в устной народной традиции XIX – XX вв. у южных и восточных славян слово «жертва» встречается редко. На русском Севере распространен термин «обет» («обещание») [2, с. 209]. В. Я. Пропп указывает на то, что, еде приписывали